

В комнате смерти

Автор:

Стивен Кинг

В комнате смерти

Стивен Кинг

«Флетчера привели в комнату смерти. Он это понял, как только открылась дверь. Серый линолеум, белые стены с темными пятнами, возможно, крови, потому что кровь, безусловно, лилась в этой комнате. Лампы под потолком, забранные в проволочные клетки. Посреди – длинный деревянный стол, за которым сидели три человека. Перед столом – стул, ожидающий Флетчера. Рядом со стулом небольшой столик на колесиках. На нем – какой-то предмет, закрытый куском материи. Так скульптор закрывает свою незавершенную работу...»

Стивен Кинг

В комнате смерти

Флетчера привели в комнату смерти. Он это понял, как только открылась дверь. Серый линолеум, белые стены с темными пятнами, возможно, крови, потому что кровь, безусловно, лилась в этой комнате. Лампы под потолком, забранные в проволочные клетки. Посреди – длинный деревянный стол, за которым сидели три человека. Перед столом – стул, ожидающий Флетчера. Рядом со стулом небольшой столик на колесиках. На нем – какой-то предмет, закрытый куском материи. Так скульптор закрывает свою незавершенную работу.

Флетчера то ли подвели, то ли подтащили к приготовленному для него стулу. Его шатало в цепких руках охранника, и он позволял себе шататься. Если он выглядел более изумленным, более потрясенным случившимся, чем на самом

деле, его это вполне устраивало. Он считал, что его шансы покинуть подвал министерства информации один или два к тридцати, причем этот прогноз еще следовало назвать оптимистичным. Но, какими бы они ни были, Флетчер не собирался уменьшать их, показав, что паника не застилает туманом мозг и он способен адекватно оценивать ситуацию. Заплывший глаз, раздувшийся нос, разбитая нижняя губа помогали создавать видимость охватившего его безумного страха. Как и корочка крови, темно-красная бороздка, запекшаяся на подбородке. Одно Флетчер знал точно: если он покинет эту комнату, остальные, охранник и трибунальная тройка, сидящая за столом, умрут. Газетный репортер, раньше он никого не убивал, кроме ос и комаров, точно знал: чтобы выйти отсюда, убьет не задумываясь. Он думал о своей сестре, прогуливающейся по католической миссии. Он думал о своей сестре, тело которой плыло по реке с испанским названием. Он представлял, как в полдень солнечные лучи играли на поверхности воды, как ярко сверкала она под этими лучами. Они подошли к стулу. Охранник с такой силой усадил на него Флетчера, что тот едва не свалился вместе со стулом на пол.

– Эй, осторожнее, несчастные случаи нам не нужны, – подал голос один из мужчин, сидевших за столом. Эскобар. К охраннику он обращался на испанском. Слева от Эскобара сидел другой мужчина. Справа – женщина. Оба худощавые. В отличие от жирного и лоснящегося, как дешевая свеча, Эскобара. Прямо-таки киношного мексиканца. Он занимал пост министра информации и иногда в вечернем выпуске новостей сообщал на английском прогноз погоды. Если появлялся на экранах телевизоров, обязательно получал письма поклонниц. В костюме он не выглядел сальным. Просто упитанным. Флетчер все это знал. Он написал об Эскобаре три или четыре статьи. Колоритная личность. И при этом, судя по слухам, – палач, обожавший пытать людей. «Центрально-Американский Гиммлер», – подумал Флетчер, с удивлением открыв для себя, что чувство юмора не покидает человека и в состоянии ужаса.

– Наручники? – спросил охранник, тоже на испанском, подняв пару пластмассовых наручников. Флетчер изо всех сил пытался сохранить на лице полную безучастность. Если они наденут на него наручники, он может забыть об одном шансе из тридцати. Даже об одном из трехсот.

Эскобар повернулся к женщине справа. Очень темная кожа, в черных волосах – седые пряди. Зачесанные назад, волосы пышными волнами уходили от лба к затылку. Волосы напомнили Флетчеру Эльзу Ланкестер из «Невесты Франкенштейна». Он ухватился за это сходство с неистовством, близком к

панике, как раньше хватался за яркий свет, отражавшийся от поверхности реки, за образ смеющейся сестры, идущей с подругами к воде. Он жаждал образов – не идей. Образы становились здесь роскошью. А идеи не требовались. В таком месте в голову могли прийти только ошибочные идеи.

Женщина коротко кивнула Эскобару. Флетчер видел ее в здании министерства, всегда в бесформенных платьях, вроде того, в каком она сейчас сидела за столом. Обычно рядом с Эскобаром, из чего Флетчер сделал вывод, что она – его секретарь, референт, может, даже биограф... видит Бог, у таких людей, как Эскобар, самомнение достаточно велико, чтобы завести биографа. Теперь же Флетчер задался вопросом: может, все с точностью до наоборот? Уж не она ли его босс?

В любом случае кивок определил позицию Эскобара. Поворачиваясь обратно к Флетчеру, он улыбался. Заговорил на английском:

– Что за глупость, убери их. Мистер Флетчер пришел сюда, лишь чтобы помочь нам кое в чем разобраться. В самом скором времени он вернется в свою страну, но... – Эскобар глубоко вздохнул, чтобы показать, как он сожалеет об этом, – ...пока он – наш почетный гость.

«Нам совершенно не нужны эти вонючие наручники», – подумал Флетчер.

Женщина, выглядевшая как сильно загоревшая невеста Франкенштейна, наклонилась к Эскобару и что-то ему зашептала, прикрыв рот рукой. Эскобар кивал, продолжая улыбаться.

– Разумеется, Рамон, если наш гость попытается выкинуть какой-нибудь фортель или поведет себя агрессивно, тебе придется умерить его прыть. – Он загоготал – картинный телевизионный смех, потом повторил все по-испански, чтобы Рамон понял его так же хорошо, как Флетчер. Рамон с серьезным видом кивнул, повесил наручники на ремень и отступил назад, за пределы периферийного зрения Флетчера.

Эскобар сосредоточил все внимание на Флетчере. Из кармана яркой красно-зеленой гуайаверы[1 - Гуайавера – крестьянская рубашка.] достал красно-белую пачку: «Мальборо», сигареты, которые предпочитает население стран «третьего мира».

– Закурите, мистер Флетчер?

Флетчер потянулся к пачке, которую Эскобар положил на край стола, потом отдернул руку. Он бросил курить три года назад и полагал, что вновь вернется к этой дурной привычке, если ему удастся выбраться отсюда живым, а также наляжет на виски, но сейчас вполне можно было обойтись без сигареты. Он лишь хотел показать, как трясутся его пальцы.

– Может, позже. Сейчас сигарета может...

Может что? Эскобара сие не интересовало. Он понимающе кивнул и оставил красно-белую пачку на том же месте, на краю стола. А Флетчер внезапно увидел себя, остановившегося у газетного киоска на Сорок третьей улице и покупающего пачку «Мальборо». Свободный человек, покупающий сладкую отраву на улице Нью-Йорка. Он сказал себе, что обязательно это проделает, если выберется отсюда. Проделает точно так же, как некоторые люди совершают паломничество в Рим или Иерусалим после излечения от рака или восстановления зрения.

– Люди, которые так обошлись с вами, – не слишком чистая рука указала на лицо Флетчера, – получили дисциплинарное взыскание. Не слишком строгое, да и я не собираюсь извиняться перед вами. Эти люди – патриоты, как и мы все. Как и вы, мистер Флетчер, не так ли?

– Полагаю, что да. – Его дело – казаться испуганным, жаждущим угодить, готовым на все, лишь бы выбраться отсюда живым. А дело Эскобара – успокоить сидящего на стуле мужчину, убедить его, что заплывший глаз, распухший нос, разбитая губа, шатающийся зуб ничего не значат; недоразумение, которое будет исправлено, когда журналист обретет свободу. Они не жалели сил, пытались провести друг друга, даже здесь, в комнате смерти.

Эскобар перевел взгляд на охранника Рамона, что-то быстро протараторил на испанском. Флетчер недостаточно хорошо знал язык, всего не понял, но почти пять лет, проведенных в этой говняной столице, значительно обогатили его лексикон. Испанский не относился к числу самых сложных языков, о чем, несомненно, знали и Эскобар, и его соседка, Невеста Франкенштейна.

Эскобар спросил, запакованы ли вещи Флетчера и выписан ли он из отеля «Великолепный». «Si»[2 - Si - да (исп.)]. Эскобар хотел знать, стоит ли у здания министерства информации автомобиль, чтобы отвезти мистера Флетчера в аэропорт после окончания допроса. «Si», - за углом, на улице Пятого мая.

Эскобар глянул на Флетчера.

- Вы понимаете, о чем я его спрашиваю? - Понимаете прозвучало у Эскобара, как понимаете, и Флетчер опять подумал о появлении Эскобара на телеэкране. «Низкое павление? Какое низкое павление? На хрен нам не нужно низкое павление».

- Я спрашивал, выписались ли вы из своего номера, хотя по прошествии стольких лет вы скорее считаете его своей квартирой, так? И ждет ли автомобиль, чтобы отвезти вас в аэропорт, когда мы закончим наш разговор, - только на испанском слова «разговор» он не произносил.

- Д-да? - Голос такой, будто он не может поверить своему счастью. Во всяком случае, Флетчер надеялся, что именно так будет истолкован его ответ.

- Вы улетите первым же рейсом «Дельты» в Майами, - пояснила ему Невеста Франкенштейна. Говорила она без малейшего испанского акцента. - Паспорт отдадут, как только самолет приземлится в Америке. Вам не причинят здесь вреда, мистер Флетчер, не задержат ни на одну лишнюю минуту, если, конечно, вы ответите на наши вопросы, но все равно депортируют, это однозначно. Вышибут. Пинком под зад.

А ведь она хитрее и умнее Эскобара. Флетчеру оставалось только удивляться, как он мог предполагать, что она - секретарь министра информации. «И ты еще называешь себя репортером», - укорил он себя. Разумеется, будь он просто репортером, корреспондентом «Таймс» в Центральной Америке, не сидел бы сейчас в подвале министерства информации, где пятна на стенах подозрительно напоминали засохшую кровь. Он перестал быть репортером примерно шестнадцать месяцев назад, когда впервые встретился с Нунесом.

- Я понимаю.

Эскобар достал из пачки сигарету. Прикурил от золотой зажигалки «Зиппо». В боковой поверхности зажигалки поблескивал искусственный рубин.

– Вы готовы помочь нам в нашем расследовании, мистер Флетчер?

– А разве у меня есть выбор?

– Выбор есть всегда, но я думаю, что ваше пребывание в нашей стране слишком уж затянулось, верно? Вы живете у нас пять лет?

– Около того, – ответил Флетчер, подумав: «Чего я должен бояться, так это своего желания поверить им. Это же естественно, взять и поверить, и, наверное, так же естественно сказать правду... особенно после того, как мужчины, пахнувшие пережаренными бобами, схватили тебя около любимого кафе и разукрасили физиономию... да ведь коли ты сообщишь им, что они хотят знать, тебе это не поможет. За эту соломинку хвататься нельзя, от этой идеи в комнате смерти толку нет. Их слова ничего не значат. Что значит – так это агрегат на столике на колесах, агрегат под тряпкой. Что значит – так это человек, который до сих пор не произнес ни слова. И разумеется, пятна на стенах».

Эскобар наклонился вперед, лицо стало серьезным.

– Вы не станете отрицать, что последние четырнадцать месяцев передавали некую информацию некоему Томасу Эррере, от которого она, в свою очередь, поступала к коммунисту-мятежнику Педро Нунесу?

– Нет, – ответил Флетчер, – я не стану этого отрицать. – Чтобы адекватно играть свою роль в этом спектакле, спектакле, определяемом разницей между значениями слов «разговор» и «допрос», сейчас ему следует вилять хвостом, пытаться все объяснить. Как будто кому-то в истории человечества удавалось выиграть политический спор в такой вот комнате! Но он и не собирался спорить, отнюдь. – Хотя продолжалось это чуть дольше. Думаю, года полтора.

– Возьмите сигарету, мистер Флетчер. – Эскобар выдвинул ящик и достал папку.

– Пока не хочу. Благодарю.

– Хорошо. – У Эскобара получилось, естественно, корошо. Когда он выступал в выпуске новостей, парни в пультовой иной раз проецировали женщину в бикини на карту погоды. Увидев ее, Эскобар смеялся, махал руками, хлопал себя по груди. Телезрителям это нравилось. Смешно. Совсем как корошо.

Эскобар открыл папку, зажав сигарету губами точно по центру рта, так что дым поднимался ему в глаза. Именно так, Флетчер видел, курили на углах улиц старики, в соломенных шляпах, сандалиях, мешковатых белых штанах. Теперь Эскобар улыбался, не разжимая губ, чтобы сигарета не упала на стол, но все равно улыбался. Он достал из папки глянцевую черно-белую фотографию, пододвинул к Флетчеру.

– Вот ваш друг Томас. Выглядит не очень, не так ли?

Лицо взяли крупным планом. Глядя на него, Флетчер вспомнил фотографии знаменитого фотокора сороковых и пятидесятих годов, который называл себя Виджи[3 - Виджи (1899–1968) – настоящее имя Артур Феллиг, известный фотокорреспондент. В 1930–1940 годы прославился тем, что оказывался на месте происшествия раньше других, настраивая радиоприемник на полицейскую волну. Мировую славу принес Виджи фотоальбом «Обнаженный город» (1945).]. Ему предложили взглянуть на портрет мертвеца. Вспышка отразилась в широко раскрытых глазах, вдохнула в них жизнь. Крови не было, только отметина от удара и никакой крови, но одного взгляда хватало, чтобы понять: человек мертв. Волосы причесаны, даже видны следы от зубьев расчески, в глазах огоньки, но огоньки отраженные. Так что ясно, человек мертв.

Отметина была на левом виске, закругленная с одной стороны, как комета, напоминающая пороховой ожог, но пулевое отверстие отсутствовало, как и кровь, и череп не изменил форму. Пуля, выпущенная из пистолета малого калибра, даже двадцать второго, при выстреле в упор, когда остается пороховой ожог, деформировала бы череп.

Эскобар взял фотографию, положил в папку, закрыл ее и пожал плечами, как бы говоря: «Видите? Видите, как бывает?» Когда он пожимал плечами, пепел с сигареты упал на стол. Пухлой рукой Эскобар небрежно смахнул его на серый линолеум.

– В принципе мы не хотели тревожить вас, – продолжил Эскобар. – Зачем? Страна у нас маленькая. Мы – маленькие люди в маленькой стране. «Нью-Йорк таймс» – большая газета в большой стране. У нас, разумеется, есть гордость, но есть и... – Эскобар постучал пальцем по виску. – Понимаете?

Флетчер кивнул. Перед глазами стояло лицо Томаса. Даже после того, как Эскобар убрал фотографию в папку, он мог видеть Томаса, его расчесанные черные волосы. Он ел еду, приготовленную женой Томаса, сидел на полу и смотрел мультфильмы с младшим ребенком Томаса, девочкой лет пяти. Мультфильмы про Тома и Джерри, с текстом на испанском.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Гуайавера – крестьянская рубашка.

2

Si – да (исп.).

3

Виджи (1899–1968) – настоящее имя Артур Феллиг, известный фотокорреспондент. В 1930–1940 годы прославился тем, что оказывался на месте происшествия раньше других, настраивая радиоприемник на полицейскую волну. Мировую славу принес Виджи фотоальбом «Обнаженный город» (1945).

Купить: <https://tellnovel.com/ru/stiven-king/v-komnate-smerti>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)